

13 января 1917 года в Архангельском порту прогремел оглушительный, невиданной силы взрыв. Взлетел на воздух груженный боеприпасами ледокольный пароход «С.Челюскин»¹, последовали другие взрывы, начались пожары.

ПЕРЕД ВЗРЫВОМ

В семь часов утра Трубина разбудил матрос с сообщением о том, что на пристани горит пароход. Вот объяснительная Дмитрия Матвеевича Трубина, составленная с его слов исполняющим делами судебного следователя М.К. Рындиным в присутствии прокурора С.Р. Некраша. Документ предоставлен семье В.Д. Трубина заведующим Мудьюгским мемориальным историко-революционным музеем Альбертом Александровичем Семьиным.

«Дмитрий Матвеевич Трубин, 37 лет, православный, русский, живу на Экономии, состою на службе управления Архангельского торгового порта младшим портовым надзирателем.

В 7 с четвертью часов утра 13 сего января меня разбудил на моей квартире в Экономии матрос Александр Булатов и доложил, что в конце пристани горит пароход и народ убегает. Я немедленно оделся и пошел к восьмому причалу, но не берегом, а между навесами.

Дорогой снова встретил Булатова, который доложил что загорелся уголь в угольной яме на «Челюскине» и что пожар уже потушен. Оказалось затем, что горел не уголь, и был

¹ Ледокольный пароход «С.Челюскин» поступил на русский флот в 1915 году из Англии, где он назывался «Айсланд». Другой ледокольный пароход «Челюскин», затонувший в Чукотском море 13 февраля 1934 года, был построен в Дании в 1933 году.

ли на Челюскине в ночь на 13 января пожар угля в действительности, я не знаю. Придя к пароходу, против второго его трюма увидел кучку офицеров, стоявших около обгоревшей бочки вещества, которое мы называли хлоритом². Среди них находился прапорщик Люц, исполняющий должность коменданта, которого я спросил, в чем дело. Он объяснил мне, что загорелись две бочки с хлоритом и одну из них выбросили с Челюскина и погасили, а другую погасили в трюме. Тогда я вошел на палубу Челюскина и, нагнувшись над твиндеком второго трюма, обратился к одному из сидевших на бочке с хлоритом рабочих и спросил, как произошел пожар. Тогда все рабочие, их было 3-4, а, может, и больше человек, рассказали, что при перекатке вспыхнула одна бочка, вследствие чего выбросили из стропа поднимавшиеся уже две бочки, захватили стропом горевшую бочку и стрелой выкинули ее на набережную, хоть она и пылала. Другую, вспыхнувшую тогда же бочку, потушили в трюме руками. По объяснению рабочих бочки при перекачивании потрескивали и внизу, там, где происходило трение, вспыхивали. Я заметил, что бочки с хлоритом, коих оставалось десятка два, были как будто чем-то запачканы, не то желтым, не то белым. Этим же самым, по-видимому, веществом была запачкана и палуба трюма, вообще бывшая сухой. Бочки с хлоритом стояли ряда в три у стенки трюма, рядом с трюмом номер первый, остальное же пространство трюма, за исключением выгруженной уже его части, было занято бочками с мелинитом³, которых было около ста. Были ли бочки с хлоритом и мелинитом прочны, я не заметил. Вообще же те и другие бывают деревянные и с мелинитом попрочнее, а с хлоритом послабее, и нередко часть хлорита из них высыпалась. Считая при тех условиях, с которыми я ознакомился, дальнейшее производство выгрузки на «Челюскине» опасным, я заявил стоящему на палубе третьему помощнику капитана, что выгрузку воспреещаю до выяснения причин пожара и постановки пожарного поста. Находившийся тут же прапорщик Ульянов сказал, что он не может согласиться на приостановление разгрузки, и его поддержал третий помощник. Тогда я

² Хлорит - соль хлористой кислоты, в твердом состоянии и взрывается.

³ Мелинит - пикриновая кислота, взрывчатое вещество, применявшееся в 1-ую мировую войну.

потребовал приглашения старшего помощника, который оказался тут же. В это время выгрузка еще не возобновилась, так как разбежавшиеся рабочие не были все собраны, почему я, сказав прапорщику Ульянову и помощникам капитана, что они будут отвечать, если что-либо случится, отправился докладывать своему начальству. По дороге зашел еще в портовую контору доложить начальнику порта в Архангельск, но не дозвонился и написал телефонограмму, а потом вызвал пожарного вахмистра Миронова, который доложил, что поставил на Челюскине пост с огнетушителем. Из конторы я пошел к начальнику аванпорта Полибину, командированному для исполнения этих обязанностей из Кемь, и во время начала моего доклада ему произошел взрыв, коим я был ранен, именно разбившимися оконными стеклами, после чего ушел за реку. Отчего произошел взрыв на Челюскине, а ранее этого пожар я не знаю. Миронов был при мне на Челюскине и также настаивал или на прекращении выгрузки, или на выносе бочек с хлоритом на руках. В требовании моем о приостановлении разгрузки меня поддерживал также Яков Королев, заведующий электрической станцией на лесопильном заводе.

Подпись: Дмитрий Трубин»

ПОСЛЕ ВЗРЫВА

Мальчики Саша, Володя и Боря, все трое, лежали в одной кровати. Наверное, уже настала пора вставать, а не хотелось. Сейчас мама придет их будить. Она на первом этаже, где кухня и столовая. И вдруг!... Им что-то почудилось! За миг до этого они накрылись с головой ватным одеялом.

Тут же на них обрушилось все, из чего состояла комната. Взрыв набрал силу, и бабахнуло, кажется, на весь мир. Вмиг вылетели все стекла, осыпалась штукатурка. Уютная квартира Трубиных превратилась в груды мусора. Ольга Георгиевна встала над кроватью, где спали дети. В ужасе разгребла стекла, штукатурку, доски, не надеясь увидеть детей живыми. Но они были живы и здоровы, без единой царапины. Такое счастье!

Примчался Дмитрий Матвеевич, весь в порезах, но тоже безмерно счастлив – жена и дети живы и даже не ранены. Вооружившись сахарными щипцами, Ольга Георгиевна извлекла из тела мужа тридцать осколков.

Взрывы продолжались три дня, и десять дней – пожары. Поселок превратился в пустыню. Взрыв на «Экономии» ознаменовал начало нового периода в жизни семьи Трубиных. Революции, гражданская война, интервенция. Ольга Георгиевна с детьми снова превратились в беженцев. Теперь они отправились на родину Дмитрия Матвеевича в деревню Поладово Кичменгско-Городецкого уезда, Вологодской губернии. С последним пароходом «Учредитель» уплыл из Архангельска и сам Трубин.

Семья прочно осела на Вологодчине. Дмитрий Матвеевич стал работать в потребкооперации на счетной работе. Когда после окончания интервенции из Архангельского порта пришла телеграмма с предложением вернуться для исполнения прежней должности надзирателя порта (в телеграмме стояло: «Ваша вакансия сохранена»), Трубины решили остаться в деревне. Здесь в 1921 году родился их четвертый сын Юрочка.

Семья бывшего мичмана флота «Его Императорского Величества» превратилась, как сейчас бы сказали, в «сельскую интеллигенцию». Они не пахали землю. Ее у них не было. И не было у них своего дома, своей избы. Они жили на квартирах у разных людей, в тех селах или деревнях, где была работа для Дмитрия Матвеевича. Он работал счетоводом в потребкооперации и в лесопунктах. Ольга Георгиевна тоже пыталась работать на государственной службе. Ходила «нарочной» за пятнадцать километров от лесопункта до лесничества, носила служебные бумаги и гордилась своей работой. Она всегда обладала чувством достоинства, всегда гордо несла свою голову. Когда муж был мичманом, она этим гордилась, когда он стал счетоводом, она опять им гордилась, и также тем, что ее муж – член профсоюза.

Сыновья подрастали. Умные, красивые. Отец, на счастье семьи, грамотный, а значит — служащий. Не велик чин счетовода,

но жалование получает, член профсоюза. Главное — дать детям образование. А Дети радуют. Один за другим заканчивают семилетку. Семь классов образования — это уже что-то! А они дальше учатся — в техникумах. И вот старший сын Саша уже учитель, а следующий Володя — агроном.

Статья заведующего Мудьюгским мемориальным историко-революционным музеем Альберта Александровича Семьина, опубликованная 19 июня 1999 года в г. Архангельске.

«Нагасаки» на Экономии

Не успели еще сосчитать всех погибших при взрыве парохода «Барон Дризен» на Бакарице, как на северной окраине Архангельска – в порту Экономия – 13 января 1917 года раздался не меньшей силы взрыв: взлетел на воздух нагруженный боеприпасами ледокольный пароход «С.Челюскин», вызвав цепную реакцию разрушения. В результате трехдневных взрывов, 10-дневных пожаров территория поселка и причальных линий была превращена в пепел и напоминала лунный ландшафт.

Общее количество человеческих жертв было значительно меньше, чем при взрыве на Бакарице, но вовсе не потому, что военное и гражданское руководство приняли действенные меры безопасности. Жертв было меньше, потому что услышав первые сигналы тревоги (удары в пожарный колокол), люди бросились врассыпную во все стороны от поселка: через реку Кузнечиху по льду, в сторону леса и в сторону города. Паника правила бал. Очевидцы рассказывали, что в небо взлетали не только обломки орудий, самолетов, предназначенных для румынского фронта, но и лошади вместе с волокушами, на которых они перевозили бочки с порохом и мелинитом.

Ущерб, нанесенный казне, был настолько велик, что, в отличие от Бакарицы, его не могли даже приблизительно подсчитать в дни работы государственной комиссии. И никакой информации в печати! Вся почта, уходящая из Архангельска и содержащая сведения о катастрофе, изымалась и строго хранилась в контрразведке и в жандармском управлении.

Далее события стали разворачиваться по уже отработанному на Бакарице варианту — поиски шпионов и немецкого диверсионного

следа, а точнее – крайнего стрелочника. В архивном фонде №1607 (РГА ВМФ) хранится немало подлинных документов, которые могли бы украсить любой фантастический роман: они ярко раскрывают стиль и методы работы контрразведки и жандармерии той поры. Следствие велось основательно и тщательно, но... безрезультатно. Почему? Ответить однозначно на этот вопрос и сегодня непросто. Тем более, что следствие вели опытные юристы, специалисты высокого класса: прокурор С.Р. Некраш, исполняющий дела следователя М.К. Рындин – коллежский асессор, будущий начальник белогвардейской контрразведки при интервентах и товарищ прокурора А.А. Степанов.

В числе главных подозреваемых в подготовке и осуществлении взрыва опять фигурирует знакомый уже нам по бакарицынскому делу Мелленберг Эдмунд Фердинандович. Неизвестно и непонятно, как мог он, уволенный со службы в Архангельске, точнее, переведенный на линейный тральщик в Белое море, оказаться в ночь с 11 на 12 января 1917 г. на борту парохода «С.Челюскин», буквально за сутки до взрыва! Роковое совпадение?

Причем в эту самую ночь на судне находился ответственный за судьбу вверенных ему стратегических грузов капитан «С.Челюскина» Иван Петрович Ануфриев (52 года, из поморов, в момент взрыва был » городе в управлении порта). Не мог такой многоопытный капитан допустить, чтобы на борт судна беспрепятственно заходили посторонние люди. Но оставим предположения и догадки, обратимся непосредственно к архивным документам.

(РГА ВМФ) Фонд №1607, опись 1, дело 4, лист 162. Протокол допроса Э.Ф. Мелленберга. Он был арестован и допрошен в числе первых подозреваемых уже на следующий день после взрыва. В числе реквизированных вещей и документов у Мелленберга оказалась записная книжка, в которой он с немецкой точностью фиксировал все, что было для него важно и существенно. Используем фрагмент одной из записей, сохранив орфографию автора:

«Утром в 8 часов где-то был сильный взрыв. Боже мой, опять оказывается в Экономии. На «Челюскине» начался пожар, а потом взрывы, говорят хуже как Бакарица. Мое положение выяснили. Морской министр приказал, чтобы я подал прошение об отставке. Почему и за что это наказание? Совесть чиста. Неужели меня выбирают как стрелочник? За свой труд для отечества сколько пользу принес и вот место благодарности сильны моральный удар. Не могу спокоеиться все это».

Поводов для беспокойства у господина Мелленберга было предостаточно. Вот ещё один подлинный архивный документ за его подписью – рапорт №109 от 23 ноября 1916 г. На имя начальника войсковых команд Бакарицы и биржевой ветки:

«Доношу Вашему превосходительству, что в первых числах ноября с.г. в благодарность за мои советы и наблюдения за добросовестным отношением к делу рабочих мне было прислано стивидорскими конторами Гудзон-Бей (США) через господина Браун - 1000 руб., господина Линд - 600 руб., восточно-азиатской компанией через господина Кисловского — 500 руб. и господина Тенсен - 300 руб. Всего 2400 рублей. Находя такое выражение благодарности не соответствующим званию офицерскому и своему служебному положению, представляю всю вышеуказанную сумму Вашему превосходительству для поступления с ней по закону. Прапорщик флота Мелленберг».

Столь подробно приводится сей документ для того, чтобы у читателей и будущих исследователей катастрофы на Экономии не было сомнений в том, что личности Мелленберга и его окружения не столь просты и однозначны. Многие авторы, писавшие о трагических событиях на Экономии, называют Э.Ф. Мелленберга непосредственным исполнителем диверсии на пароходе «С.Челюскин», но юридически этот факт остался недоказанным.

Чтобы приблизиться к истине и нарисовать более подробную и детальную картину катастрофы, предоставим слово и другим участниками и очевидцам этого события

Начнем с представителей пожарной охраны в порту Экономия,

которые находились на боевом дежурстве (время военное и охраняемые грузы тоже военные!). Вахмистр пожарной команды С.Т. Миронов (29 лет) утверждал на официальном допросе, что в 6:30 каланчовый солдат-пожарник Ашеев через дежурного доложил, что:

«группы людей бегут с пароходов, дал сигнал тревоги и вызвал пожарных в составе паровой машины, ручной трубы, бочки и инструмента... Пришли на ледокол «Челюскин», в трюм не спускались. Двое рабочих продолжали разгрузку бочек. При столкновении этих бочек появлялись искорки».

Увидев это, портовый надзиратель Трубин предложил прекратить разгрузку, чтобы через эксперта выяснить причину возникновения вспышек. Прапорщик Ульянов настоял вопреки требованиям Трубина на продолжении разгрузки» (РГА ВМФ Ф. 1607, Оп. 1, Д.4, Л. 27).

Кто такой Трубин, фамилия которого упоминается в протоколах семи человек, подвергнутых следственному допросу под личную роспись?

Дмитрию Матвеевичу Трубину в то время было 37 лет, родом он с Вологодчины. Во время срочной службы на Кавказе познакомился и подружился латышом, затем уехал на его родину и поступил службу в порт Лиепая. Женился на местной девушке по имени Ольга и привез ее в Архангельск. В их семье было четверо детей, трое из которых сражались и погибли на фронтах Великой Отечественной войны.

В первую мировую Д.М. Трубин состоял на службе в Управлении Архангельского порта младшим портовым надзирателем. Семья жила в поселке Экономия. В день трагедии всем чудом удалось остаться в живых. Предоставим слово Трубину:

«В 7 часов утра 13 января меня разбудили на моей квартире... Я вошел на палубу «Челюскина», нагнувшись над твиндеком второго трюма, обратился к одному из сидевших на бочке с хлоритом рабочих и спросил, как

произошел пожар. Тогда все рабочие (их было три-четыре человека, а может быть, и более) рассказали, что при перекатке вспыхнула бочка, вследствие чего выбросили из стропа поднятые уже бочки, захватили стропами горящую бочку и стрелой выкинули ее на набережную, хотя она и пылала. Другую, вспыхнувшую тогда же бочку, погасили в трюме рукавицами...

Считая, что при тех условиях, с которыми я ознакомился, дальнейшее производство выгрузки на «Челюскине» опасно, я заявил стоящему на палубе третьему помощнику капитана, что выгрузку запрещаю до выяснения причин пожара и постановки пожарного поста. Прапорщик Ульянов отказался. Тогда я потребовал приглашения старшего офицера, который оказался тут же. Я сказал Ульянову и помощнику, что они будут отвечать, если что-либо случится, отправился докладывать своему начальству. По дороге зашел еще в портовую контору доложить начальнику, но не дозвонился и написал телефонограмму, а потом вызвал пожарного вахмистра Миронова, который доложил, что поставил у «Челюскина» пост с огнетушителем, о время моего доклада начальнику аванпорта Полибину произошел взрыв, коим я был ранен (РГА ВМФ Ф. 1607, Оп. 1, Д.4, Л.27)

По уточненным данным взрыв на «С.Челюскине» произошёл в 9 час 10 мин. Следовательно с момента первой тревоги, первого воспламенения бочек и до взрыва прошло около трех часов. Что сделано начальником порта для предотвращения катастрофы? Практически ничего.

К сожалению, Д.М. Трубин не обладал такими полномочиями, чтобы заставить военных прекратить разгрузку. История не знает сослагательного наклонения, поэтому не будем фантазировать на тему, что бы было, если бы начальство вникло в суть запрета Трубина. Случилось то, что неминуемо должно было случиться.

Вот как нарисовал картину событий в своем письменном объяснении-протоколе допроса — полковник главного артиллерийского управления Казаринов:

«... в 9 часов 10 минут 13 января, когда подходил к своей канцелярии по Псковскому проспекту, я услышал взрыв в северном направлении. В 9.30 я выехал на лошади на Экономию, куда и прибыл в начале 12-го часа, встретив на своем пути много раненых, в т.ч. и прапорщика Пугача.

На Экономии уже был адмирал Посохов, несколько офицеров и люди полиции, коллежский советник Андропов.

Пройдя по эстакаде, я увидел следующие пароходы: «Курск» стоял в доке, а по причалу — «Каменец-Подольск», «Бонтневит», «Красноярск», «Байропия» а дальше был черный лед а месте стоянки «С.Челюскина», на рейде два парохода: «Ст. Адресс» и «Вейтапо».

На место складирования бочек с мелинитом (а их было 600!!!) долетали осколки разрывающихся снарядов. Один из них при мне ударил в грудь генерала Заборовского.

Через некоторое время я заметил, что начинается пожар на пароходе «Байропия». Это было после часу дня. Я находился на пожаре до часу ночи».

Как видите, адмирал Посохов и генерал Заборовский прибыли на место трагедии в числе первых. А где в это трагическое время находился Главноначальствующий Белого моря и порта Архангельск вице-адмирал Людвиг Корвин? Он в это время ехал в купейном вагоне поезда, следующего в Санкт-Петербург, но с половины дороги вынужден был по приказу свыше вернуться в Архангельск.

В своей объяснительной записке Л. Корвин признался в том, что он якобы:

«15 января (спустя двое суток после взрыва) хотел проникнуть на Экономию, но вернулся назад, устранившись зрелища пожара»,

по-русски говоря, струсил...

По свидетельству прапорщика В.Я. Люца — коменданта на Экономии, в поселке на момент взрыва проживали: 700 нижних

чинов 14-й дружины, 800 рабочих управления порта, 300 рабочих — откатчиков, стивидоров, 200 нижних чинов — всего 2000 человек. В это число не вошли женщины и дети, престарелые, жители близлежащих деревень, рабочие и солдаты железнодорожной ветки Экономия-Мудьюг, члены экипажей судов, стоящих у причальных линии. Поэтому все приводимые цифры о количестве убитых, пропавших без вести и раненых от относительноны и не отражают реальных потерь.

А вице-адмирал Корвин докладывал 16 января министру морского флота весьма скромно:

«Ранено в Экономии два офицера, один чиновник, 99 нижних чинов, 8 иностранцев, 12 китайцев, 165 рабочих, 20 женщин, 18 бурят, 9 детей. Всего - 344 человека».

И это за три взрыва, когда взлетели на воздух одновременно сотни бочек с мелинитом, и пожар на Экономии с небольшими перерывами продолжался 10 суток. От взрыва «С.Челюскина» погибло и стоящее вместе с ним английское судно «Байропия», в трюмах которого находилось около двух тысяч тонн взрывчатых веществ.

Во время этого взрыва погибли два английских офицера – первый инженер А.Г. Хаурстон (30 лет) и третий помощник капитана Ф.Б. Клад. Оба похоронены с почестями на Вологодском кладбище. Памятники на их могилах стоят до сих пор, за ними ухаживают. А где памятник или памятный знак погибшим гражданам Российской империи? Нет такого знака ни на Бакарице, ни на Экономии. Очень жаль и стыдно за соотечественников, и за державу обидно.

Оставим на время обиду. Вернемся к работе «высочайше утвержденной» следственной комиссии, которая во главе с адмиралом Яковлевым прибыла в Архангельск и приступила к работе лишь 6 февраля 1917 года. Но и она не смогла найти виновных и установить точные причины взрывов и пожаров. К чести адмирала Яковлева, его выводы были честные и категоричные.

Отвечая на вопрос, можно ли было предотвратить взрывы на «С.Челюскине» и в порту, члены комиссии ответили четко, по военному: безусловно, да!

«Для предупреждения взрыва надлежало немедленно прекратить разгрузку (что и предлагал Д.М. Трубин), как только было замечено первое появление искр».

Огромный ущерб от последствий взрывов члены комиссии объяснили тоже четко:

«а) полной бессистемностью в деле складирования и временного хранения грузов, снятых с пароходов;

б) огромным, совершенно недопустимым даже в военное время, скоплением на Экономии неквалифицированных грузов и особенно взрывчатых;

в) неудовлетворительностью противопожарной организации и отсутствием средств к тушению пожаров;

г) отсутствием медперсонала и средств для переноса раненых (медперсонал состоял из одного фельдшера и одного санитаря - А.С.)».

Оказывается, и при царе Николае было ничуть не лучше в России, чем сегодня, на десятом году перестройки. Те же хаос и неразбериха...

Интересно знать, как сложилась дальнейшая судьба людей, которые волей случая оказались в воронке катастрофы. На этот счет известно немного. Э. Мелленберг бесследно исчез в неизвестном направлении (так утверждает С.Н. Марков, автор очерка «Корабли, взлетевшие на воздух»). Сняли с занимаемых должностей офицеров Люца, Ульянова и некоторых других. Спешно хоронили погибших, подсчитывали. Но так и не смогли определить сумму ущерба от взрывов и пожаров...

Пожалуй, больше всего хлопот после взрывов на Бакарице и на Экономии выпало на долю главного инженера портов Белого моря и г. Архангельска Петра Герардовича Минейко, отца почетного

гражданина нашего города Ксении Петровны Гемп. К сожалению в фонде № 1607 (РГА ВМФ) не сохранилось объяснительной записки П. Минейко, вероятно её приобщили к документам направленным министру. Между тем, Петр Герардович был отмечен председателем особой комиссии за результаты расследования причин взрывов в порту и, что самое главное, за оказание помощи семьям погибших и пропавших без вести.

Ксения Петровна рассказывала автору этих строк, что в дни взрывов и пожаров отца в доме почти не видели, он приходил иногда только для того, чтобы умыться и сменить белье. Да и в последующие недели и месяцы было нелегко. Только на левом берегу было 607 трупов опознанных... А сколько приходилось лишь по фрагментам определять имена погибших! В портовой «конторке», например, нашли чьи-то ноги в черных бурках. Позднее выяснилось, что они принадлежали транспортному служащему И.М. Зеленину. А сколько усилий понадобилось, чтобы разместить по госпиталям и больницам раненых, дать кров оставшимся без крыши над головой! В условиях войны было особенно трудно.

Для увековечения памяти погибших был создан оргкомитет во главе с начальником Архангельской таможни Криворучко, казначеем избрали инженера порта Пеца. Что им удалось сделать - неизвестно. Пока удалось найти лишь информацию о захоронении 607 человек в Лисестрове, в районе деревни Часовенская. Вскоре после этого события город прощался с П.Г. Минейко⁴...

Трагично сложилась судьба еще одного участника этих событий Д.М. Трубина. В списке представленных к наградам его фамилии я не нашел. Да он, наверное, и не помышлял о ней, а может, молил Бога, что остался жив (правда, жена щипцами извлекла из головы и тела супруга 30 осколков), что Ольга Юрьевна и дети живы... Вскоре начались события революционные, а потом интервенция. С последним пароходом «Учредитель» Д. Трубин выехал из

⁴ Непонятный пассаж. П.Г. Минейко погиб в феврале 1920 года во время занятия Архангельска отрядами РККА.

Архангельска в Котлас. В годы Советской власти работал в потребкооперации. В голодном 1942 году, чтобы помочь семье выжить, пошел в родную деревню Поладово за хлебом, но сил не хватило дойти – умер по дороге, могила его неизвестна. Так что его тоже можно отнести к числу без вести пропавших в годы второй мировой войны».